

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Ленинским курсом мира

Роль Советского Союза в создании
Маньчжурского плацдарма революци-
онных сил Китая

Значение разгрома японского милита-
ризма для победы народных револю-
ций в Китае, Корее, Вьетнаме

Сотрудничество СССР с социалистиче-
скими странами Азии и Камбоджей

Движение неприсоединения — важный
фактор мировой политики

4

1985

Институт Дальнего Востока АН СССР

10

ОЧЕРКИ. ОБЗОРЫ. СООБЩЕНИЯ

Землепроходец Василий Ерошенко

Р. С. БЕЛОУСОВ

Человек на то и человек,
чтобы шагать вперед.
В. Ерошенко

Путешествие в чью-либо прошедшую жизнь всегда увлекательно и поучительно. Тем более это интересно, когда познаешь судьбу личности незаурядной, особенной, оставившей по себе память во многих странах. Таким был русский незрячий писатель и путешественник Василий Ерошенко.

О нем сегодня помнят в Японии и Китае, где он прожил несколько лет в начале 20-х годов нашего века. В Пекине он жил в доме Лу Синя¹. Китайский писатель переводил и издавал сказки своего русского друга, выступал со статьями о нем, высоко оценивая его произведения и его подвиг — слепого, победившего ночь.

Жизнью и творчеством Ерошенко продолжают интересоваться и в сегодняшнем Китае. Об этом мне рассказал полтора года назад в Москве на Международной встрече переводчиков советской литературы известный литературовед, неутомимый пропагандист советской литературы Гэ Баоцюань. Он сообщил, что недавно в журнале «Сулянь вэнъюэ» («Советская литература», 1981, № 4) были опубликованы две сказки Ерошенко. Тогда же подарил и свою работу «Лу Синь и Ерошенко», напечатанную в журнале «Бэйцзин шифань дасюэ сюйбао» (1982, № 1) и содержащую новые данные и уточнения относительно жизни Ерошенко в Китае.

Летом 1982 г. в Японии вышла книга профессора Такасуги Итиро «Песнь на расвете. Жизнь слепого поэта Ерошенко». Это расширенная биография русского писателя, ранее включенная в трехтомник сочинений Ерошенко, изданный в Токио в 1959 г.² Новый вариант создан на основе материалов, собранных автором во время пребывания в нашей стране в начале 1982 г. в результате поездки по местам, связанным с жизнью Ерошенко, встреч с теми, кто его знал и помнит. Поясняя широкую популярность Ерошенко в Японии в те годы, когда он там жил, Такасуги Итиро пишет, что русский писатель «оказал большое влияние на японскую интеллигенцию эпохи Тайсё» (1912—1926), и был одним из тех, тогда еще немногих, кто нес в Японию духовные богатства русской культуры, знакомил с ней и стал в глазах японцев представителем новой революционной России.

Об этом же говорит и Гэ Баоцюань, подчеркивая тот факт, что дружба Лу Синя и Ерошенко — яркая страница в истории взаимосвязей китайской и русской литературы.

Новые материалы, недавно опубликованные в Японии и Китае, побудили вновь обратиться к необычной судьбе Василия Ерошенко, в частности подробнее рассказать о его странствиях.

Зов дальних дорог

У него была мечта — пешком обойти земной шар. Мечта, вообще говоря, вполне реальная, если бы он не был слеп. Четырех лет от роду Василий Ерошенко лишился зрения. Набожная бабка отнесла заболевшего корью мальчика в церковь, чтобы священник помолился за выздоровление ребенка. А все вышло наоборот. «С мольбой, весь в слезах покинул я красочный мир солнца, — скажет он позже. — К чему это, к добру или злу, я еще не знал. Ночь моя продолжается и не кончится до последнего моего вздоха. Но разве я проклинаю ее? Нет, вовсе нет».

Василий Ерошенко имел право так сказать, потому что, несмотря на страшный недуг, его жизнь, говоря словами М. Горького, сказанными об Н. Островском, — «живая иллюстрация торжества духа над телом». Начался этот подвиг, длившийся более

¹ См.: Р. С. Белоусов. Русский писатель В. Ерошенко — друг Лу Синя. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 2.

² Подробнее см.: Р. Белоусов. Мечтания скитальца. Очерк жизни и творчества В. Я. Ерошенко. — В кн.: Василий Ерошенко. Избранное. М., 1977, с. 5—43.

половека, в селе Обуховка, неподалеку от старинного города Старый Оскол, где он родился в январе 1890 г. Отсюда мальчиконкой приехал в Москву в школу для слепых. Здесь выучился играть на скрипке, гитаре и балалайке. После окончания школы поступил в оркестр при ресторане. Казалось, так и пройдет жизнь в угаре, под взгляды подгулявших посетителей. Но тяга к знаниям, желание познать, хотя и скрытый от него, мир, побуждала мечтать. Его одинаково влекли к себе книги и путешествия. Со временем он и сам начнет сочинять, станет писателем, автором сказок, рассказов и очерков³.

Имя Василия Яковлевича Ерошенко сегодня стоит в ряду с теми, кто, не будучи исследователями, немало сделал для развития дружеских отношений с народами стран Востока. Таких, скажем, каким был Герасим Лебедев, русский музыкант, создатель театра в Индии; Василий Мамалыга, возглавивший восстание бедняков в Индонезии; Осип Гошкевич, трижды обогнувший земной шар, но посвятивший себя одной любви — Японии; Николай Рерих, полномочный духовный представитель русского народа в Индии или Варвара Бубнова, художница, оставившая след в современном японском искусстве и ставшая посредником двух культур — русской и японской. С этой же страной связывает на много лет свою судьбу и В. Ерошенко.

Впрочем, маршруты его странствий значительно шире. Он достаточно поискался, около десяти лет, изучил языки тех стран, где бывал. Вообще он знал более десяти языков. Эта его способность, как и феноменальная память и музыкальный слух, были компенсацией за нарушенный общий закон — природа брала свое, возмещала вдвое не в том, что оказалось ему доступно, наделив остротой ощущений и впечатлительностью.

Впервые Ерошенко отправился за границу в феврале 1912 г. Небольшая заметка «Путешествие русского слепца в Лондон», опубликованная тогда в журнале «Вокруг света», рассказывает об обстоятельствах его поездки. В ней говорилось, что воспитанник Московской школы слепых, двадцатидвухлетний В. Я. Ерошенко, до этого игравший около трех лет на скрипке в московских ресторанах, взял шестимесячный отпуск и один отправился в третий класс железнодорожной дороги в Лондон. Поехать за границу он решился на скромные сбережения из своего заработка.

Зачем же понадобилось ему, слепому, совершившему столь далекое путешествие?

Ответ давал тот же журнал. Говорилось, что в то время в Англии хорошо было поставлено дело образования слепых, вводились новые методы обучения. Для Ерошенко с его жаждой просвещения, возможность продолжить образование являлась главной. Но, кроме того, отправиться в дорогу его побудило желание «увидеть» мир. Для этого он изучил международный язык эсперанто, как и многие тогда, наивно полагая, что эсперанто поможет людям понять друг друга, устранит вражду между народами. Его поездка через всю Европу в Англию должна была продемонстрировать солидарность, взаимопомощь людей разных национальностей, как бы подкрепляя идею о братстве народов.

И действительно, русский слепец благополучно пересек Европу. Всюду на пути следования его встречали заранее предупрежденные друзья-эсперантисты. По-дружески встречали и на лондонском вокзале, помогли добраться до города Норвуда, где находился Королевский институт и Музикальная академия слепых. Ерошенко успешно прошел собеседование и был принят в институт.

Скоро он убедился, что Англия отнюдь не та земля обетованная, какой поначалу представлялась ему. И тут люди были подделены на богатых и бедных, удел последних, как и всюду, нищета и покорность. Но должна же быть в мире страна, где все равны, личность свободна, где царствует справедливость и каждый волен распоряжаться своей судьбой. Поиски ответа на эти вопросы привели его в среду российских полит-эмигрантов, которых в те годы в Лондоне собралось немало. Он стал посещать их собрания, принимать участие в спорах, обсуждал вместе со всеми проблемы, которые волновали и его. Здесь он услышал выступление самого П. А. Кропоткина, князя, порвавшего со своим классом и ушедшего в революцию. Мало того, Ерошенко встретился с лидером анархистов и беседовал с ним. Встреча эта не сделала Ерошенко приверженцем идей Кропоткина, хотя и оставила след в душе, повлияв на его мировоззрение. С этих пор он еще больше уверился в несправедливом устройстве мира. Возможно, тогда-то и родилась у него мысль обойти нашу планету в поисках земли обетованной, того самого Беловодья — страны-мечты, достичь которую пытались многие русские бедняки, уверовав, что где-то за тридевять земель существует расположенный на больших островах рай земной. Вера в такую страну-утопию издревле жила на Руси, воплощая в себе поэтическую мечту о вольной стране, где царит справедливость, побуждая отважных отправляться на ее поиски. Считалось, что легендарный остров Беловодье находится где-то на Востоке за «Апоньским царством» и «Китайским государством».

³ Случилось так, что в Японии и Китае В. Ерошенко как писатель стал известен раньше, чем у себя на родине. Только в 1963 г. Белгородское книжное издательство выпустило первый сборник его произведений в переводе с японского, китайского и эсперанто, куда вошли сказки, рассказы, стихи, легенды и притчи, записанные автором во время странствий, а также некоторые письма и воспоминания о В. Ерошенко видных японских и китайских писателей, художников, деятелей культуры.

Впрочем, возможно, в Лондоне ему довелось услышать рассказы и о Шамбале — будто существующей на Востоке сказочной стране, название которой переводится как «Белый Остров». В сущности, это то же самое, что и Беловодье, и находится эта страна счастья где-то около Индии. Так, уже в Лондоне родилась у Ерошенко мысль побывать на сказочном Востоке, дойти до «Страны Радуги» и «увидеть» землю, где цветет чудесный «Цветок Справедливости» — как впоследствии назовет он две свои сказки.

Оставаться в Англии ему больше не хотелось, да и отношения с руководством института складывались не лучшим образом. Характер у русского юноши был ершистый, самолюбивый. Ему претило, что держали его в колледже из милости, — ведь он не мог платить за обучение, как студенты, дети богатых родителей.

Возвращаясь домой спустя восемь месяцев, он понял, что заразился страстью к бродяжничеству. Отныне жить по-старому не мог. Ветер странствий манил в дорогу. Ведь если в книгах спасение слепого и они помогают познать мир как бы вглубь, то путешествия должны раскрыть его вширь, дать возможность ощутить и вобрать в себя. Поездка показала, что он, слепой, может путешествовать по свету один. И вскоре в московском журнале появилось сообщение: «Слепой московский эсперантист господин Ерошенко, предпринявший в прошлом году поездку в Англию, отправляется теперь в Токио (Япония). Господин Ерошенко путешествует без поводыря».

Познание Японии

На организацию поездки требовалось некоторое время. Надо было списаться с друзьями в Сибири, которые помогли бы в дороге, как уже было, когда он ехал через Европу. Но главное — предупредить японских эсперантистов о его приезде, найти тех, кто готов был принять русского слепца. А пока письма совершили свой неспешный путь, он начал изучать японский язык.

Ерошенко слышал, что в Японии жизнь слепых непохожа на жизнь их собратьев в других странах. Здесь им не приходится бродить с котомкой и посохом по дорогам, вымаливая милостыню. Тут они уважаемые люди, одни избирают профессию музыкантов, другие делают массаж, третьи лечат иглоукалыванием. На улице слепому уступают дорогу экипажи, ему всегда рады в доме бедняка и вельможи.

Обрадовались приезду Василия Ерошенко и в доме профессора Накамура, с которым он заранее списался. У профессора, члена императорской академии, была большая семья — шестеро детей, но он не задумываясь принял русского гостя.

Свое первое путешествие он совершил по дому. Одновременно начал учиться японскому языку. «Накамура сказал, что день мне засчитывается за несколько месяцев и такому взрослому ребенку, как я, — шутил Ерошенко, — уже пора начать понимать по-японски». В этом ему помогала младшая дочка профессора, восьмилетняя Тосико. «Делает она это очень серьезно, как взрослая. Едва я притрагиваюсь к какому-то предмету, как она произносит его название. Я повторяю за ней, и несмотря на мой варварский русский акцент, она не смеется надо мной — поправляет. Звучание слов записываю на карточках по Брайлю — буду ощупывать их по ночам и заучивать наизусть».

Первые недели прошли в знакомстве с обычаями и городом Токио. Профессор лично сопровождал гостя во время прогулок. Он был щедрым гидом, без устали объяснял, показывал, советовал как вести себя, что говорить и делать в различных случаях — в доме, на улице, в магазине, в кафе. Приобщал к основам японской эстетики, знакомил с этическими понятиями, правилами общения японцев.

Так началось его познание Японии.

Однако, как заметил профессор, пора было уже Василию повзрослевать и пойти в школу. И однажды он сообщил ему приятную новость: министерство просвещения разрешило принять его в Токийскую школу слепых, правда, «студентом на особом положении».

Вскоре стало понятно, что это означает: Ерошенко отвели отдельную комнату для занятий, специально пригласили преподавателя массажа, а курс японской литературы читал ему профессор, знавший русский язык. Было ясно и то, что таким исключительным вниманием он обязан авторитету профессора Накамура.

В программу обучения входили четыре предмета — психология, медицина, музыка, японский язык и литература.

В школе слепых Василий подружился с пареньком Торией Токудзиро. С его помощью организовал здесь кружок эсперанто — обучал слепых с голоса, пел песни, а Тория переводил их на родной язык.

В то время японские приверженцы эсперанто собирались в кафе «Мацуисита», бывали здесь и иностранцы, в том числе и Ерошенко, постоянный участник застольного веселья, шуток и споров. Часто звучала здесь и его гитара — неизменная спутница скитаний.

Еще в Англии он начал приучать себя свободно ориентироваться на улице, совершая самостоятельные прогулки. Для этого пользовался таким методом. Городской шум в Лондоне мешал ему определить ширину улицы, размер площадки и пр. И он стал бродить по ночам, тщательно изучая приметы города, его запахи. К той же «методе» он прибег и в Токио. В результате стал ходить по городу «по-зрячему», удивляя тем, как свободно ориентировался в шумном лабиринте токийских улиц. «Он шел, держа палку в правой руке на весу, — вспоминал очевидец его прогулок, — но не ударяя ею о землю. Когда слышал, что едет телега, позволяя ей приблизиться и в самый последний момент уступал дорогу... совершенно точно, словно зрячий, сворачивал в переулок».

В Японии Ерошенко стремился расширить круг своих знакомых. Общение с учениками школы его не удовлетворяло, он был на голову выше уже тогда по своим знаниям, а главное, превосходил их по стремлению.

И тут ему, можно сказать, повезло. Он познакомился с Акита Удзяку, тогда уже известным литератором, автором пьесы «Лес и жертва» — о несправедливом суде над японскими социалистами и казни их лидера, выдающегося революционера Котоку Сюсую. С этого момента жизнь Василия Ерошенко обрела новый смысл. Японский друг ввел его в общество своих единомышленников, которые к тому же интересовались русским языком и литературой. Кружок энтузиастов собирался в лавке «Накамура» в районе Синдзюку и пышно именовался «Общество красношапочников» — все его члены носили красные фески. В этом своего рода дискуссионном литературном клубе спорили о политике, об искусстве, о жизни. Душой общества была хозяйка кафе и лавки журналистка Сома Кокко. Для Ерошенко она стала как бы второй матерью, он поселился у нее в доме, обучал ее, как, впрочем, и других членов кружка, русскому языку, и остался ей благодарен на всю жизнь за заботу и доброту.

Он уже вполне прилично владел японским языком. Благодаря этому круг его знакомых расширялся. В их числе были писатели, актеры, художники, в частности и такие, ставшие впоследствии знаменитыми, как Накамура Цунэ и Цурута Горо, оба оставившие великолепные портреты Ерошенко. Познакомился он и с Агнес Александр, дочерью президента университета на Оаху (Гавайи) и стал частым гостем в ее салоне. Здесь встретился с молодой журналисткой Камитика Итико, впоследствии активным деятелем Социалистической партии. Встреча эта оставила неизгладимый след в его душе. Ничто человеческое было ему не чуждо. Его чувство к Камитика не было похоже на обыкновенную страсть, скорее, это был тайный жар души, как говорит Хираябаси Тайко, японская писательница, в своем очерке о Ерошенко, опубликованном в 1972 г. Сама же Камитика отнюдь не питала к нему чувства, которое можно было бы назвать любовью. Ерошенко не знал тогда, что Камитика любила другого человека — известного литератора и революционера-анахиста Осуга Саказ.

Каковы же, однако, были политические взгляды самого двадцатипятилетнего Василия Ерошенко? Они не отличались определенностью. Скорее, их можно было считать стихийно революционными. И прав был, пожалуй, Акита Удзяку, назвавший своего русского друга «революционером по натуре», мечтавшим видеть всех людей свободными и счастливыми.

В доме Камитика, где Ерошенко встречался с Осуги Саказ, русский слепец, по словам Камитика, прошел хорошую школу, поскольку здесь часто собирались рабочие, велись оживленные беседы и дискуссии.

На взгляды Ерошенко оказывала воздействие и та антивоенная пропаганда (это были годы первой мировой войны), которую вело революционное крыло японских социалистов, и прежде всего Сэн Катаяма — впоследствии организатор Коммунистической партии Японии. С ним Ерошенко тоже познакомится, но только позже, в Москве.

«Мир во всем мире — это наибольшее благо», — считал Ерошенко и не уставал пропагандировать идею дружбы народов, говорил, что еще со школьной скамьи считал себя призванным быть одним из тех, кто должен помочь воплотить ее в жизнь. В своих статьях, публикавшихся в японской печати, он утверждал: «Все люди на земле братья и их совместный труд мог бы превратить нашу планету в рай; мир во всем мире есть величайшее благо для всех народов. Но если это так, то почему же в Европе идет война? Почему ведется она с такой жестокостью, которую и представить нам трудно?.. Мне кажется, корень зла в национальной вражде... И эту враждебность и национальное чванство воспитывает государство, раздувает правительство, культивирует церковь.

Но деятельность сторонников мира не осталась бесследной и еще принесет свои плоды. И сейчас, в годы войны, мы продолжаем борьбу за мир и благородные идеи братства народов продолжают жить. Так будем же неустанно трудиться, ибо сейчас не время предаваться вдохновению, а время работать, время не брать, а отдавать, время не получать выгоды, а идти на жертвы! Нынче время сеять, а не пожинать плоды!»

Часто выступал Ерошенко и с лекциями, в основном перед молодежью, рассказывая о русской литературе, русских народных песнях, которые тут же исполнял, аккомпанируя себе на гитаре. И в этом смысле являлся пропагандистом русского искусства. Вообще говоря, на всем его облике лежал отпечаток особой одухотворенности, можно сказать, артистичности, недаром его называли поэтом, хотя стихи он тогда еще

не писал. И не случайно своей внешностью он привлекал художников: немного наивное, почти детское выражение лица, густые волнистые пряди льняных волос, свободно падающие по обе стороны высокого лба; необычайной была и одежда — косоворотка и сапоги. Эта его русская рубашка стала словно символом той культуры, которую он представлял, и пользовалась большим успехом. Обликом своим он чем-то напоминал сказочного Леля. Лицо сосредоточенное, с едва заметной, несколько, быть может, печальной улыбкой, той самой, о которой Лу Синь скажет: «улыбка страдания». Таким изобразил Василия Ерошенко известный художник Накамура Цунэ — «японский Ренуар», как его иногда называют. В 20-х годах эта работа была признана лучшей картиной маслом в Японии; портрет не раз выставлялся на выставках в Токио и Париже, а ныне находится в Государственном музее современного японского искусства (портрет этот воспроизведен на почтовых открытках, находящихся сегодня в обращении).

Такое внимание художников к личности Ерошенко способствовало его популярности и как писателя, уже начавшего в то время публиковать в японских журналах свои сказки, проникнутые гуманизмом и болью за угнетенного человека.

Вскоре Ерошенко представился случай побывать на острове Хоккайдо. Ерошенко обрадовался: ведь он был «закоренелый бродяга» и ему не пристало засиживаться на одном месте.

Его знакомый Катагами Нобору собирался в Москву от университета Васэда для изучения русской литературы. Перед поездкой решил заняться русским разговорным языком. Для этого и пригласил Ерошенко. Тот с радостью согласился.

У них получился вполне слаженный дуэт. Один рассказывал о тех местах, по которым они проезжали или бродили, другой, не желая оставаться в долгую, развлекал попутчика, пел русские песни, объясняя их содержание.

Но всему, как известно, приходит конец. Окончилось и это непродолжительное путешествие. Ерошенко вернулся в Токио. Однако вирус странствий, живший в нем, пробудился благодаря этой поездке с новой силой.

Вскоре он заявил своим друзьям, что намерен отправиться в Таиланд:

— Хочу посмотреть, как живут люди в бедных странах Азии. Говорят, в Таиланде нет школ для слепых. Если будет возможность побываю в Бирме и Индии.

Когда Ерошенко что-то планировал, то обычно осуществлял задуманное. Так было и в этот раз. Не откладывая, тронулся в путь. На Центральном вокзале в Токио 3 июля 1916 г. собирались друзья Ерошенко, человек двадцать-тридцать. В том числе его покровитель и благодетель профессор Накамура, Акита Удзяку, художник Такэхиса Юмэдзи, Агнес Александр и др.

Решительно тяжнув гривой русых волос, как бы сбрасывая все, что связывало его в течение двух лет, прожитых в Японии, Ерошенко шагнул к вагону...

Новые планы путешествий

В порту Кобэ он поднялся на борт парохода «Масима-мару» и занял место в третьем классе среди бедного люда. Плавание предстояло долгое — почти месяц в море, с заходом в Гонконг и Сингапур.

В дороге с ним произошло два происшествия. В первую же ночь на пароходе он почувствовал себя плохо — температура, озноб. Капитан, подозревая тиф, собрался его высадить, да, к счастью, на борту оказался русский врач. Осмотрев больного, он установил у него всего лишь нервную горячку. Неожиданная встреча с соотечественником выручила Ерошенко, тот даже пригласил его перейти к нему в каюту первого класса.

Отчего он так нравится людям, размышлял Ерошенко? Или они спешат проявить к нему всего лишь сочувствие? А может быть, их привлекает его шевелюра? Однако, если и вызывал он чем-либо внимание, то, конечно, не только внешностью. Впрочем, его красная феска чуть было не ввергла его в неприятность. В Гонконге его задержал английский таможенник: слепой пассажир с мешком вместо чемодана, да еще в красной феске, показался подозрительным. И к тому же дерзким. На вопрос чиновника, с какой целью он направляется в Бангкок, ответил: «Собираюсь покататься на слоне». И только после того, как русский консул удостоверил его личность, ему разрешили продолжить плавание.

Десять дней спустя Ерошенко был у цели своего путешествия.

Поначалу Ерошенко жилось вольготно. И хотя с деньгами было туговато — из 250 иен, с которыми он выехал из Японии, давно ничего не осталось, — но семья, в которой он жил, и соседи заботились о нем, бесплатно кормили.

Как и всюду, у Ерошенко и здесь вскоре завелись многочисленные друзья. А прогулки по городу, знакомство с его причудливыми многочисленными пагодами, домиками на сваях, садами и базаром доставляли много приятных минут.

Немалый интерес вызывали у Ерошенко буддийские религиозные сооружения, так называемые пра-чеди или ступы. Они по форме напоминали русские колокола, установленные на земле. Не раз бывал он около знаменитого святилища «Храма Изумрудного Будды», и ему объясняли значение буддийских символов; условно отображающих «три драгоценности» — триратну: Будду, дхарму-закон и сингху-общину. Те,

кто приобщался к «трем драгоценностям», давал как бы обет почитать Будду и следовать основным требованиям его морали — не вредить жизни, не лгать, не красть, не употреблять вина и пр.

Ерошенко, с его неуемной жаждой знания, стремился постичь буддизм, о знакомстве с ним свидетельствуют его сказки, написанные позже.

Верный своему принципу — изучить язык той страны, где живешь, он, чтобы преодолеть языковой барьер, начал заниматься тайским языком. Много читал, а со временем стал подрабатывать массажем. Каждый вечер к нему являлись два пациента. Деньги нужны были не только на жизнь, но и для дальнейших поездок. Он намеревался побывать в Бирме и Индии, съездить на остров Яву и изучить малайский язык, затем хотел посетить Аравию. После этого вернуться в Россию. «Так завершится мое первое путешествие по всему свету», — писал он друзьям в Японию.

Но это были только планы, пока что он совершал поездки в пригороды Бангкока, знакомился с жизнью народа. И конечно, с тем, как обстоит дело обучения слепых. Огорчало, что в Таиланде нет для них школ, что правительство не выделяет для этого средств. Вот когда он понял, что «деньги обладают страшной силой»: с человеком, у которого не было средств, никто не желал и разговаривать.

Убедившись, что местные власти абсолютно равнодушны к его проектам, Ерошенко загрустил, чаща стал играть на гитаре, подолгу стоял у окна и прислушивался к концерту лягушек, вспоминая, как еще в Токио научился определять их по голосам. Или, как писал он сам, углублялся в себя.

Одним словом, все говорили о том, что Ерошенко наскутила жизнь в Бангкоке — бездеятельность была ему противопоказана. Прожив здесь шесть месяцев, он покинул страну и, похоже, всерьез решал реализовать задуманный план путешествий.

Страна Шуэбиджи

Из Бангкока проще всего было попасть в Бирму по сухому. Первым крупным городом на пути был Моламьяйн. В нем в январе 1917 г. Ерошенко и сделал остановку. Его прибытие в город, где никогда не видели ни одного русского человека, стало сенсацией.

Чуть ли не все захотели увидеть необычного гостя из далекой России. Приходили в дом, где он жил, в школу для слепых, где в скором времени начал работать. Стояли, смотрели, удивляясь не только костюму приезжего — его неизменной косоворотке и сапогам, но и тому, что он вступал в беседу на их языке, а когда требовалось, переходил на английский, и даже на пали, что было уж совсем неожиданным.

Ему предложили место старшего преподавателя и контракт на два года. Он горячо взялся за дело. По существу, школу надо было создавать заново — набирать учеников. А как это сделать? Объявление в газетах ничего не даст — в глубинку они не доходят. И он отправляется по стране искать учеников. А когда их набралось около ста (всех привел Ерошенко), начались занятия. Однако проходили они необычным способом. Вместо того чтобы обучать детей, как плести корзины и вязать мешки, новый учитель начал преподавать историю, психологию и гигиену, обучал музыке и искусству массажа, а главное — «видеть» и познавать мир. Для этого вместе с детьми отправился в путешествие по стране, чем привел в замешательство школьный комитет. Но на своем настоял, хотя на разрешением пришлось съездить в Рангун.

Во время странствия он рассказывал ребятам о Шуэбиджи — Большой Золотой Стране, как называют сами бирманцы свою родину, о ее истории и богатствах. В городе Мандалае поведал им легенду, в которой слышатся отзвуки войны с Англией и звучит надежда на будущее освобождение. Он услышал эту легенду на юге страны, в окрестностях Моламьяйна, записал ее, а потом под названием «Бирманская легенда» опубликует в одном японском журнале. Специалисты ныне считают ее ценным памятником бирманского фольклора, нигде, кроме как у В. Ерошенко, не зафиксированным.

В начале ноября 1917 г., вернувшись в школу, Ерошенко стал готовить концерт с участием слепых детей, разучивал с ними песни. Представление имело огромный успех. Сам Ерошенко пел в хоре с учениками, но особый успех вызвало его сольное исполнение.

На другой день ему предложили место директора, но он отказался, хотя его и настойчиво уговаривали. Да и сам понимал, что вряд ли еще представится такая возможность. «Но неужели я покинул Россию, чтобы стать директором школы слепых в Моламьяйне?» — вопрошал он в одном из писем.

Между тем из России пришла весть о свержении царя, о том, что там совершилась революция. Теперь власти проявляли к русскому интерес иного рода. За ним следит полиция, и он всерьез опасается ареста.

Весть, принесенная колониальным телеграфом, всколыхнула, заставила задуматься. Вот он бродит по свету, можно сказать, в тщетных поисках страны счастья, а между тем на его родине народ провозгласил своей целью создать именно такую страну, где все будут равны и счастливы. Так вправе ли он оставаться в стороне?

Хотя и трудно было расстаться с полюбившими его учениками, но он решил ехать в Индию. Оттуда легче добраться до России. Несколько особенно близких ему учеников проводили его в поезде до Рангунна. Здесь 12 ноября он сел на пароход, отправлявшийся в Калькутту.

«Высыпается как большевик»

Четыре дня спустя он прибыл в Калькутту. Друзей, которые помогли бы устроиться, у него здесь не было, пришлось снять комнату за сорок рупий.

Делясь в письме первыми впечатлениями от страны, вернее, о тех с кем приходилось в ту пору общаться (главным образом это были англичане, родившиеся в Индии), он подчеркивает, что «все они говорят только по-английски, презирают местных жителей и каждый при этом считает себя христианином». В то же время проницательно замечает: «Те, кто хочет создавать свои империи путем подавления малых народов, очевидно, боятся такой же революции, как в России».

Между тем обстановка для него складывается неблагоприятным образом. Полиция грозится интернировать всех русских или — того хуже — посадить в тюрьму. Пока что Ерошенко запрещают преподавать в калькуттской школе слепых. А через несколько дней он оказывается под домашним арестом. Так спокойнее — если он «красный агитатор», то ничего предпринять не сможет.

Оставалось ждать, когда же представится случай уехать в Россию. И такой случай представился. В порт пришел русский корабль «Евгения», команда которого, сместив капитана, решила вернуться на родину. Однако английские власти не давали разрешения на выход из порта. Предчувствуя недобро, Ерошенко, как ему ни было обидно, отказался уехать. И поступил, видимо, мудро. Едва судно вышло в море, как стало известно, что заключен Брестский мир. Советская Россия вышла из войны. А раз так, можно обвинить ее в «измене» делу Антанты и захватить корабль. Что и было сделано. В одном из писем Ерошенко сообщал об этом: «Мои друзья из России предлагали мне возвратиться вместе с ними на русском пароходе, но я отказался. Они уехали, однако были арестованы в пути. А я, словно Иванушка-дурачок, оказался самым умным, уехал в Бирму и снова стал преподавать там в школе слепых».

Он действительно оказался снова в Моламьяйне, но только не уехал сюда, а бежал, да еще по некоторым сведениям, переодевшись в японское платье.

Однако и здесь обстановка изменилась. Встретили его настороженно — не дети, конечно, а местные власти. «За мной постоянно следит полиция, — пишет он, — без конца неведываются шпики. Но в тюрьму пока не посадили». Утешение находил он в том, что продолжал собирать бирманский фольклор. «Сейчас явлечен воинству прекрасными буддийскими легендами. Это неисчерпаемый материал. Передо мной раскрывается новый, доселе мне неведомый мир — богатая символика, полная скрытых тайн и загадок...» Но мысль о возвращении на родину не покидала его. И вот он снова в той же калькуттской гостинице. Только положение его значительно усложнилось. Писем он не получал. Впрочем, предупреждал и сам, чтобы ему не писали — «почти на все налагается арест». Ждать помощи было неоткуда. Что делать? Ясно одно — надо немедленно уезжать. Домой он решает вернуться через Японию. Тем более что туда вскоре уходило японское судно. Но ему категорически отказывают. Корабль отбыл без него. И никто не мог сказать, когда отправится следующий. И вновь тот же вопрос: что делать?

И снова он решил бежать. Возможно, надеялся в Мадрасе или Бомбее попасть на какое-нибудь другое судно? Так или иначе, он побывал в этих городах, но из Бомбея его вернули в Калькутту. Видимо, тогда же, верный своим увлечениям и несмотря на обстановку, он записал и обработал один из устных вариантов популярного индийского цикла сказок о бесс Ветале («Рассказы Байтала»), создал по мотивам индийского фольклора притчу «Кувшин мудрости» (отголоски легенд и мифов Индии слышатся и в других вещах В. Ерошенко, задуманных или написанных во время странствий).

Между тем власти, поразмыслив, решили, что этот слепой доставляет слишком много хлопот. Лучше просто-напросто от него избавиться и выслать, скажем, туда, откуда он приехал — в Японию.

По некоторым сведениям, события далее развивались так: Ерошенко посадили на английский корабль. В сопроводительном документе говорилось, что «господин Ерошенко высыпается за пределы Британской империи как большевик...»

Снова в Синдзюку

В начале июля Ерошенко добрался до Токио. Прошло ровно три года с того дня, как он отправился отсюда в Таиланд. Друзья были изумлены и обрадованы, в честь него устроили вечер. На нем он сказал: «Я вернулся к вам, друзья, к тем, кто меня хорошо понимает и любит. Прошло долгих три года. За это время мне пришлось многое испы-

тать. Ураган не раз силялся меня утопить, а бурное житейское море поглотить. Но девятый вал судьбы миновал. Я благополучно достиг наконец тихой гавани. Море успокоилось, надо мной голубое небо, и я в окружении понимающих и любящих друзей, это и есть счастье».

...Чтобы немножко прийти в себя после всех треволнений, Ерошенко отправился к товарищу по токийской школе слепых на остров Хоккайдо. Тот проводил летние каникулы на севере, в городе Бихоро, неподалеку от Охотского моря. Ерошенко прибыл в день, когда здесь отмечали один из традиционных праздников — танабата. Он шел по узким разукрашенным уличкам, где-то далеко раздавались звуки барабана, видимо танцевали ритуальный танец бон. В сопровождении оравы ребятишек, никогда не видевших такого странного чужеземца, он добрался до дома, где собирался остановиться. Однако уже на следующий день вдвоем со своим бывшим однокашником отбыл в деревню, расположенную в трех ри от города. Всей грудью вдыхал запах яблоневого сада, пробовал мед прямо из сот, жевал коноплю. И перед мысленным взором возникали далекие российские просторы, куда стремилось его сердце.

Вернувшись в Токио, он поселился там же на втором этаже у госпожи Сома на Синдзюку.

За эти годы многое изменилось в мире, происходили перемены и в Японии, куда донеслось эхо орудийных залпов «Авроры». Многие японские друзья Ерошенко участвовали в политической жизни страны, в частности в создании Социалистической лиги. И сам он, как скажет впоследствии, «состоял членом общества по изучению и распространению социализма», был близок с деятелями революционного движения, некоторые из них станут потом коммунистами. Ерошенко выступал на собраниях социалистов, общества «Геминкай», позже участвует в работе II съезда Социалистической лиги.

Ветеран японской пролетарской литературы, коммунист Эгуди Киеси в своих воспоминаниях рассказал о том, как однажды присутствовал на собрании общества «Геминкай», где перед трехтысячной аудиторией выступил Ерошенко. Русский слепой поэт, как представил его председатель, произвел неизгладимое впечатление на собравшихся. Сорок минут говорил Ерошенко, и не было ни одного человека, кого не взволновала бы его речь. И хотя открыто он ни к чему не призывал, но ловко манипулируя словами «чаша страдания», проводил мысль: чтобы освободить человечество, необходима революция, необходимо следовать примеру русских.

Японская полиция не могла не обратить внимание на этого русского. Уж не красный ли агитатор, не агент ли большевиков? И полицейские тщательно изучали его сказки, публиковавшиеся в прогрессивных журналах. Нет ли в этих сочинениях крамолы? Следует заметить, что печаталась Ерошенко во многих журналах левого радикального направления, которые читала вся тогдашняя прогрессивная Япония, — в «Кайко» («Освобождение»), «Варэра» («Мы»), «Кайдзо» («Реконструкция») и др. Неудивительно, что имя Ерошенко стало пользоваться известностью, особенно среди передовой молодежи.

Способствовала этому, как отмечал Акита Удзяку, и его пропаганда русской революции, сыгравшая, по его же словам, огромную роль в Японии, где Ерошенко «был очень популярным человеком... в эпоху непосредственного влияния Великой Октябрьской революции...».

Принимал участие Ерошенко и в работе журнала «Танэмаку хито» («Сеятель») — рупора революционной интеллигенции, призванного сыграть в Японии ту же роль, которую играла в Европе группа «Клартэ», созданная Анри Барбюсом и объединявшая многих западноевропейских прогрессивных писателей.

Вокруг журнала сложилось литературное общество того же названия, активным участником которого был и Ерошенко. Движение «сеятелей» видело свою задачу в том, чтобы распространить правду о Советской стране, борясь под лозунгом «Руки прочь от Советской России», собирать средства в помощь голодающим Поволжью.

Естественно, что для властей Ерошенко оказался фигурантом, от которой спешили избавиться, тем более что он продолжал активно участвовать в левом движении. Первого мая 1921 г., когда он вместе со своими товарищами пришел на демонстрацию, его арестовали и два часа продержали в участке.

Вскоре, 28 мая, была запрещена деятельность Социалистической лиги, с которой был связан Ерошенко. Два дня спустя специальным циркуляром министра внутренних дел Ерошенко решают выслать из страны. «28 мая,—писал Акита Удзяку,—у нас навсегда отняли Ерошенко». С этого дня по 4 июня, до того как он оказался на палубе судна, на борту которого под конвоем полицейского его надлежало доставить во Владивосток, Ерошенко содержался под арестом. Его бросили в холодную сырую камеру, без ботинок (во время ареста не дали даже одеться). Госпожа Сома принесла ему обувь, плащ и трость — их приняли, а еду взять отказались. «Мы кормим его так, чтобы только не сдох», — ответили ей в полиции. Держали его в строгой изоляции, обращались, по словам Эгуди Киеси, хуже чем с бродячей собакой. Бдительные японские чиновники сомневались даже в его слепоте, грубо раздирая ему веки...

Все эти подробности об аресте и высылке Ерошенко стали известны позднее. А в те дни на вопрос Акита Удзяку, пытавшегося вместе с другим известным писателем, Арисима Такэ, выяснить причину изгнания русского поэта, неопределенно заявили: «Оказывал дурное влияние...»

Под конвоем полицейского

4 июня 1921 г.— последний день, проведенный Ерошенко на японской земле. Под конвоем полицейского его препроводили в порт Цуругу на западном побережье острова Хонсю. Здесь арестанта посадили на пароход «Ходзан-мару», следовавший во Владивосток. Полицейский, приставленный к нему, устроился неподалеку.

Через два дня «Ходзан-мару» доставил Ерошенко на родину.

О самом путешествии и что было с ним по прибытии во Владивосток Ерошенко сообщил в очерке «Прощай, Япония!». В нем автор рассказал о своих попутчиках — рабочих, которые, полные надежд, возвращались из Америки в Россию. Но были среди пассажиров и белогвардейцы. Эти надеялись на другое. Ведь в городе несколько дней назад произошел переворот и власть захватили белые. Повсюду бесчинствовали солдаты, свирепствовал террор.

Поэтому задерживаться во Владивостоке не входило в планы Ерошенко. Он жаждал поскорее покинуть город, «где обстановка так же изменчива, как и погода», направив стопы в европейскую Россию.

В день отъезда он отправил Акита Удзяку письмо: «Сегодня я покидаю Владивосток и отправляюсь через Хабаровск, Читу и Иркутск в рабоче-крестьянскую Россию». Но на этот раз путешествие предстояло необычное и опасное — переходить линию фронта, пересекая нейтральную полосу, кишевшую белобандитами. «Говорят, сейчас очень трудно пробраться до Читы,— пишет он в том же письме.— Никто не верит, что я один смогу пробраться в Россию». Дело в том, что в Приморье, как и на всей территории Дальневосточной республики (ДВР), созданной по указанию В. И. Ленина в качестве «буферного государства», сложилась необычная ситуация. Японские войска высадились в Приморье и совместно с белогвардейскими частями Семенова и Каппеля оккупировали его. Вначале между войсками ДВР и оккупантами существовало перемирие, но в ноябре японские интервенты перешли в наступление против армии ДВР, занимавшей позиции по реке Уссури. Поэтому, как многие и предполагали, путешествие Ерошенко кончилось неудачей. На поезде он добрался до станции Евгеньевка. Дальше начинались передовые позиции частей Каппеля и пути не было. Как ему сказали, до станции Уссури можно добраться только на порожняке. Прибыл он туда, когда красные готовились ее оставить, взорвав остатки моста через реку. «Мне конечно, хотелось уехать отсюда раньше, чем начнутся бои, но на территорию, занятую красными»,— признается Ерошенко. Однако через реку уже никого не пропускали. Каким-то образом Ерошенко все-таки добрался до станции Иман, где проходила временная граница ДВР. И снова неудача: охранную службу здесь нес эсеровский отряд, и командир его наотрез отказался пропустить Ерошенко. До новой России было рукой подать, но попасть туда ему не позволили. Ерошенко оказался словно в мышеловке и решил следовать в Китай. Пересечь границу и добраться до Харбина было куда проще, чем переправиться через линию фронта.

Встреча с Лу Синем

Однако и в Харбине обстановка к тому времени осложнилась. В городе скапливалось все больше белогвардейцев. Начались аресты рабочих, прогрессивных интеллигентов. Со дня на день могли взять и Ерошенко. Тем более что за ним шла слава высланного из Японии «большевика». На этот раз — от греха подальше — он сам решил оставить город. Списавшись с молодым шанхайским эсперантистом и литератором Ху Юйчжи, Ерошенко уехал в Шанхай.

...После занятий в институте, где преподавал эсперанто, Ерошенко отправлялся бродить по улицам. Посещал магазины, прежде всего книжные, заходил в харчевни, бывал в «Синь шицзе»—«Новом мире»— крупнейшем увеселительном центре, где можно было посмотреть спектакль традиционного китайского театра, тут же перекусить, сыграть в кегли. К счастью, он встретил двух друзей, которых знал еще по Японии. Они всюду бывали вместе. Китай служил для них загадкой, решать которую не было уже ни настроения, ни сил. «Я думал о Европе,— признается он,— мои друзья мечтали об островах Южных морей или о Тибете; мы чувствовали, что наш корабль окончательно разбился и мы выброшены на пустынныи остров, именуемый „Шанхай“». И дальше следуют слова, свидетельствующие об угнетенном состоянии Ерошенко в тот момент: «Мы не надеялись уже построить другой корабль и не смели думать о Китае как о своей новой родине. Безнадежно смотрели мы на людское море, безучастно стояли на ревущем пустынном острове».

Так писал он в «Рассказах увядшего листка», созданных в Шанхае и принесших ему широкую известность.

Ему не удалось сразу бросить якорь в гавани отечества. Но, как видно, неудача не сломила, не повергла его в отчаяние, хотя и заставила горько переживать крушение своих планов: отправиться в Страну Мечты, как он называет теперь Советскую Россию.

В этот тяжелый для него момент Ерошенко пригласили преподавать эсперанто

в Пекинский университет. Приглашение исходило от Лу Синя и его брата Чжоу Цзожэнь. К тому времени в Китае уже знали творчество Василия Ерошенко, знали о его горькой судьбе. Это в первую очередь и привлекло к нему внимание Лу Синя. Китайские журналы и газеты тех лет сообщали о высылке Ерошенко из Японии, о жестоком с ним обращении, и в ряде стран Востока поднялась волна протesta в защиту слепого поэта.

По-своему принял участие в этой общественной кампании и Лу Синь. Еще не зная Ерошенко лично, он перевел и опубликовал некоторые его сказки. В предисловии к ним объяснил, почему так поступил: «Мне хотелось, чтобы был услышан страдальческий крик гонимого, чтобы у моих соотечественников пробудились ярость и гнев против тех, кто попирает человеческое достоинство». И вот, узнав, что Ерошенко в Шанхае, китайский писатель принял горячее участие в судьбе русского скитальца. Мало того, он предложил Ерошенко поселиться в его доме.

Дом находился в тихом переулке⁴, здесь, кроме Лу Синя, жили его мать и жена, два брата с женами и детьми.

Гости поместили в специальном флигеле, где обычно устраивали приезжих. Окна комнаты Ерошенко располагались напротив кабинета Лу Синя, который привык писать по ночам и нередко за полночь у него горел свет. В те же часы любил работать и Ерошенко. Часто Лу Синь приходил к нему, располагался в кресле, закуривал сигарету, и начиналась беседа, (говорили по-японски и на эсперанто): о Китае и Японии, о японской литературе, о России и о ее писателях, о произведениях Ерошенко и многом другом. И конечно, о русской революции, в которой оба видели начало новой эры.

Став преподавателем Пекинского университета, Ерошенко как бы попал в центр культурной жизни тогдашнего Китая.

Лекции он читал в большой аудитории, выдержанной в китайском стиле. В своей неизменной косоворотке, он сидел перед слушателями и водил пальцем по бумаге, на которой брайлевским рельефно-точечным шрифтом был записан текст лекции. Рядом находился Чжоу Цзожэнь, брат Лу Синя, и переводил то, что говорил Ерошенко, с эсперанто на китайский язык. Чему же посвящал он свои выступления? Русской литературе, чаще всего творчеству Л. Андреева, знакомил с содержанием его произведений. И двести юношей и девушек, заполнявших аудиторию, усердно записывали слова слепого лектора, стремившегося прежде всего привлечь внимание к темам борьбы за свободу, гуманистической линии в русской литературе, выступавшей за униженных и оскорбленных.

Не остался в стороне Ерошенко и от политической жизни той поры. И здесь, в Китае, он участвует в первомайской демонстрации, во время которой поет «Интернационал», — тогда еще не переведенный на китайский язык, выступает на вечере в народной школе при Пекинском университете, где в этот раз поет песню о Степане Разине, аккомпанируя себе на гитаре. К его досаде, не все понимали ее смысл. Тогда Лу Синь, переговорив с Ерошенко, специально пересказал ее содержание и опубликовал в газете «Чэн бао».

В этой же газете появилась и статья В. Ерошенко о новом китайском театре, так называемой «разговорной драме», то есть театре европейского типа. Выступление это положило начало целой дискуссии, в которой приняли участие многие видные деятели культуры тех лет, в том числе и Лу Синь.

Жизнь Ерошенко в Пекине протекала более спокойно, нежели в Токио. Часто в компании с кем-нибудь он отправлялся верхом, обычно на осле, так как передвижение на рикше категорически отвергал, а другого транспорта в Пекине в ту пору не было.

Случалось, он вместе с Лу Синем посещал торговую улицу Люличан, в особенности ему нравились лавки антикваров, где он подолгу ощупывал всевозможные резные фигурки, изделия из фарфора и глины. «Есть большой и шумный Пекин,— писал Ерошенко.— Но мой Пекин — иной, скромный и тихий... Люди моего Пекина — простые и честные труженики. В этом городе среди молчаливых людей сердце мое немного успокаивается. Но, увы, оно не может быть абсолютно спокойным и, должно быть, никогда не сможет».

Часто он признавался, что ему здесь грустно и горько, вспоминал о времени, когда вместе с друзьями мечтал «выврать общество, государство, человечество из рук богачей и убийц, вырастить сад свободы на земле». Он тосковал даже по кваканью лягушек, о чем говорит Лу Синь в рассказе «Утиная комедия», посвященном его русскому другу и проникнутом печалью разлуки с ним. Дело в том, что летом 1922 г. Ерошенко покинул Пекин и отправился в Хельсинки на Международный конгресс эсперантистов. В Пекине друзья уже не надеялись на его возвращение, как вдруг четыре месяца спустя он снова появился в доме Лу Синя. На недоуменный вопрос отвечал, что вернулся, так как должен закончить курс в университете. Однако мыслями и чувствами он был уже в Москве, где побывал проездом в Хельсинки и обратно. Понимая, что предстоит навсегда расстаться с Китаем, он совершил как бы прощальную поездку по стране — посетил города Ханчжоу и Шанхай. Вернувшись, стал готовиться к отъезду на родину. Весной, едва представилась возможность, он тронулся в путь.

15 апреля 1923 г. Лу Синь записал в своем дневнике: «Ерошенко уехал на родину».

⁴ Во многих публикациях называется переулок Бадаовань, однако, как уточняет Гэ Баоцюань, Ерошенко поселился у Лу Синя, в тот момент еще жившего в переулке Ваньбаошань.

На родной земле

Вернувшись из Китая и наконец-то ступив на родную землю, Василий Ерошенко со свойственным ему нетерпением и интересом старался постичь суть революционных сдвигов, новых человеческих отношений. В Советской России он увидел воплощение вековых чаяний человечества — претворение в жизнь подлинной свободы, социальной справедливости и счастья.

Побывав в родной деревне Обуховке, он вернулся в столицу. Но «соседняя» жизнь, как видно, и в самом деле была не для него: он привык к передвижению, к смене впечатлений, к шуму новых городов. Им вновь овладевает «охота к перемене мест», его вновь манят странствия. Ждать случая долго не пришлось. В Нюрнберге летом 1923 г. должен состояться Международный конгресс эксперантистов, и Ерошенко отправился туда в числе советских делегатов. Отсюда он едет в Лейпциг на знаменитую ярмарку, посещает не менее знаменитую здешнюю библиотеку, потом держит путь в Геттинген. Летом 1924 г. он уже в Париже, а спустя некоторое время — в Вене на Международном конгрессе слепых. Домой Ерошенко вернулся через Гамбург на советском пароходе.

В Москве действовал тогда Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Ерошенко предложили быть переводчиком у слушателей-японцев. Приблизительно тогда же состоялось его знакомство с Сэн Китаямой, который тепло отзывался о Ерошенко, высоко оценив его как переводчика общественно-политической литературы. В ноябре 1927 г. у Ерошенко произошла еще одна памятная для него встреча. На Красной площади во время парада и демонстрации он неожиданно встретил Акита Удзаку, прибывшего на празднование 10-й годовщины Октябрьской революции.

А впереди были странствия по родной стране — на Чукотку, куда он добирался через уже знакомый ему Владивосток и где собрал народные сказания, составившие цикл рассказов «Из жизни чукчей»; по Военно-Грузинской дороге, по Каспию и Волге, Донбассу и Карелии, в Узбекистан, Казахстан и Туркмению, где заведовал первым в этой республике детским домом для слепых и разработал национальный туркменский алфавит по системе Брайля.

После войны вернулся в Москву. Как всегда, вел активную литературную и общественную жизнь — писал статьи и очерки, играл (и неплохо) в шахматы, выступал с лекциями...

Все, кому приходилось встречаться с Василием Ерошенко, отмечают его глубокие познания в различных областях: литературе и языкоznании, истории и музыке, медицине и философии. В истории известны случаи, когда пораженный слепой человек становился деятельным членом общества, достигал высокого положения как специалист, скажем, крупный английский математик Н. Сайндерсон, ослепший через несколько месяцев после рождения в 1683 г., а к концу жизни возглавлявший кафедру математики в Кембриджском университете; или великий английский поэт Д. Миль顿 и наш поэт И. Козлов; или известный арабский поэт и литераторовед Таха Хусейн, родившийся в один год с Ерошенко и потерявший зрение, как и он, четырех лет. Но если у Таха Хусейна была возможность получить блестящее образование, то Василию Ерошенко, выходцу из крестьянской среды, в условиях царской России приходилось всего добиваться собственным трудом и упорной работой над собой. Он проходил свои университеты, путешествуя по городам и странам, встречаясь и беседуя с такими выдающимися мыслителями и учеными, как П. Кропоткин и Сэн Катаяма, Рабиндранат Тагор и Лу Синь, Альберт Эйнштейн и Берtrand Рассел.

Говоря словами А. Чехова, у него был «талант человеческий» и литературный. И когда однажды ему вручали на Международном конгрессе поэтов-эксперантистов награду, прозвучали справедливые слова о том, что «приз получает не только его поэзия, но и вся подвижническая жизнь Ерошенко». И зал встретил эти слова овацией.

Да, подвижническая жизнь Ерошенко не может не вызвать восхищения, она служит своего рода ориентиром мужества, примером, который учит преодолевать жизненные невзгоды, не падать духом в трудные минуты. Размышляя о его поразительной судьбе, хочется прежде всего отметить присущую Ерошенко истинно горьковскую любовь к людям. Ею проникнуты все его произведения, зовущие к доброму, это же чувство — любовь к человеку, стремление познать его — и побуждало к странствиям по свету.

Ерошенко умер в Обуховке 23 декабря 1952 г. На сельском кладбище земляки установили ему памятник (советские скульпторы создали несколько его портретов — это работы Н. Блажко, Э. Дзиндра и др.). В Старом Осколе усилиями энтузиастов создан мемориальный комплекс при городском музее. В нем собраны книги Ерошенко, изданные на японском и китайском языках, его письма, в частности адресованные в свое время английским друзьям, посвященные ему статьи — о нем писали «Известия» и другие газеты, в том числе старооскольская «Октябрьские зори», публиковались материалы в журналах и альманахах, вышли книги на русском и украинском языках; на стенах представлены фотографии и принадлежавшие ему вещи.

И многие приходят сюда, а иные приезжают издалека (бывали гости и из Японии), чтобы больше узнать о человеке чуткого сердца и яркой, удивительной судьбы.